

5. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 195 ФЗ (в ред. от 28.12.2013г.) // Российская газета. – 2013. – № 295.
6. Максимов А. М. Уголовно-правовые меры борьбы с незаконной добычей водных животных и растений / А. М. Максимов. – Астрахань : Волга, 2004. – 187 с.
7. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 03.03.2014г.) // Российская газета. – 1996. – №113.

References

1. Ivanov V. D. Ugolovnoye zakonodatelstvo Rossiiskoi Federatsii. Rostov-on-Don, 1997. Vol. 3. Osobennaya thast. pp. 67-68.
2. Zhelvakov E.N. Ugolovno-pravovaya ohrana prirodnoi sredi v Rossiiskoi Federatsii. Moscow, Nauka, 1997. 347 p.
3. Zhelvakov E.N. Ecologiteskie prestupleniya I ecologiteskaya prestupnost. Moscow, Urlitinform, 1996. 241 p.
4. Zhelvakov E. N. Obshie voprosi kvalifikatsii prestuplenii v oblasti ohrani okruzhaushei sredi. Moscow, Norma, 1996. 264 p.
5. Kodeks ob administrativnih pravonarusheniyah Rossiiskoi Federatsii ot 30.12.2001 g. № 195 FZ (v red. ot 28.12.2013r.) // Rossiiskaya gazeta, 2013, № 295.
6. Maksimov A. M. Ugolovno-pravovie meri borbi s nezakonnoi dobitei vodnih zhivotnih i rastenii. Astrakhan, Volga, 2004. 187 p.
7. Ugolovni kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13 iunya 1996 g. № 63-FZ (v red. ot 03.03.2014g.) // Rossiiskaya gazeta, 1996, №113.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ГРАБЁЖ И РАЗБОЙ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Челябова Залина Магомедзагировна, ассистент, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: madam.chelyabova@yandex.ru.

В статье рассматриваются основные нормативные акты, предусматривающие уголовную ответственность за грабежи и разбои в советский период. В статье приведены не только законы, но и ряд указов, оказавших немалое влияние на Уголовный кодекс РФ от 1960 г. Особое внимание автор заострил на Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. Также внимание было обращено на особенности и основания дифференциации насильственного грабежа и разбоя. Внимание акцентированно именно на советском периоде, так как это достаточно длительный исторический период, охвативший тяжелые и кризисные политические и экономические процессы в нашей стране. Все это повлекло необходимость защиты собственности, в особенности социалистической собственности, что и повлияло на особенности регламентации ответственности за грабежи и разбои.

Ключевые слова: грабеж, насильственные грабеж, разбой, Уголовный кодекс, Указ, собственность, социалистическая собственность

THE CRIMINAL LEGAL CHARACTERISTICS OF LIABILITY FOR ROBBERY AND ARMED ROBBERY IN THE SOVIET PERIOD

Chelyabova Zalina M., assistant, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishev st., e-mail: madam.chelyabova@yandex.ru.

This article presents the basic regulations, creating criminal liability for brigandage and robbery in the Soviet period. The paper presents not only the laws but also a series of decrees that have had a significant impact on the Criminal Code of the RF of 1960. The author has paid special attention to the Criminal Code of the RSFSR of 1960. Also, special

attention was drawn to the differentiation special aspects and foundation of violent brigandage and robbery. It's paid special attention to the Soviet period, as it is a fairly long historical period and sweeping heavy and crisis political and economic processes in our country. All this led to the need to protect property, especially socialist property that influenced the regulation aspects of responsibility for brigandage and robberies.

Keywords: robbery, violent robbery, armed robbery, criminal code, decree, property, socialist property

Охрана прав собственника является одной из главных функций государства, но эта функция в различные исторические периоды может реализовываться по-разному.

На протяжении всего периода развития человечества грабежи и разбои являлись одними из самых распространенных составов преступлений и самыми древними тяжкими преступлениями. Интерес ученых-современников по этому вопросу все же остается живым. Наверняка, это связано с тем, что формы и способы хищений становятся совершеннее, что и определяет подход к этому преступному явлению. Аристотель относил разбой к разновидностям охоты [3, с. 24]. А.Ч. Ломброзо считал, что грабежи и разбои – атавистические, первобытно грубые преступления [5, с. 8].

Интересным представляется развитие законодательства о грабежах и разбоях в советский период, как сложный и в тоже время богатый опытом политических событий период. Это время охватывает период с 1917г. по конец 1980-х г.г.

Для начала хотелось бы отметить период с XIX в. По 1917 г.г., который явился предшественником в серьезном развитии законодательства о грабежах и разбоях. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. впервые законодательно проводится разграничение между грабежом, совершенным с насилием, и разбоем по степени опасности насилия для жизни, здоровья или свободы потерпевшего. Для данного исторического периода характерны также попытки законодателя отнести открытое хищение чужого имущества к краже, а насильственный грабеж – к разбою. Эта попытка делалась в Уложении 1903 г. Однако сложная политическая и социальная ситуация в предреволюционной России не позволила внести данные нововведения в полной мере.

Таким образом, в России понятия грабежа и разбоя окончательно сформировались и выделились как самостоятельные преступления XIX века. Основой современного понимания грабежа (в том числе с насилием, не опасным для жизни или здоровья (или его угроза), и разбоя (совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья) являются понятия грабежа и разбоя, сложившиеся в дореволюционный период развития уголовного законодательства России.

Сложная, нестабильная обстановка, кризисная экономическая ситуация, голод и нищета большинства населения послереволюционной России способствовали распространению грабежей и разбоев. Этот период также отмечается широкой активностью законотворцев, чем власти пытались стабилизировать сложные процессы в обществе.

Если обратиться к послереволюционному периоду, то здесь наблюдается процесс усиления охраны собственности, принадлежащей государству. В этот период в стране криминальная обстановка в отношении защиты собственности серьезно ослабилась.

Исследуя этот период, М.Н. Гернет, а затем и А.И. Гуров отмечают, что, как ни велики показатели преступности перед Первой мировой войной, они очень незначительны в сравнении с последующими. Так, если в предвоенные годы в Москве, по данным сыскной полиции, ежегодно совершалось приблизительно 2600–2700 краж, то лишь в первом квартале 1923 г. их было зарегистрировано 5209. Аналогичное положение отмечалось и в группе корыстно-насильственных преступлений [3–4].

Поскольку после революции значительное количество предприятий в различных отраслях промышленности было национализировано, государство в качестве едва ли не монопольного субъекта хозяйствования сосредоточило в своих руках около 90% основных производственных фондов страны. При этом параллельно возникла серьезная проблема в обеспечении сохранности национализированной собственности,

ставшая предметом хищения, "не будучи охраняема или в лучшем случае плохо охраняема, подвергалась постоянным и весьма настойчивым покушениям со стороны преступных элементов" [8].

Характер реакции власти на сложившуюся обстановку в рассматриваемый период может быть проиллюстрирован следующим примером. В.И. Ленин направляет Ф.Э. Дзержинскому записку такого содержания: "Буржуазия, помещики и все богатые классы напрягают отчаянные усилия для подрыва революции, которая должна обеспечить интересы рабочих, трудящихся и эксплуатируемых масс. Буржуазия идет на злейшие преступления, подкупая отбросы общества и опустившиеся элементы, спаивая их для целей погромов. Сторонники буржуазии, особенно из высших служащих, из банковских чиновников и т.п., саботируют работу, организуют стачки, чтобы подорвать правительство в его мерах, направленных к осуществлению социалистических преобразований. Доходит дело даже до саботажа продовольственной работы, грозящего голодом миллионам людей. Необходимы экстренные меры борьбы с контрреволюционерами и саботажниками" [7]. Сразу же последовало принятие ряда организационных и правовых мер, направленных на стабилизацию обстановки.

Правовым основанием решения проблемы борьбы с преступлениями против собственности послужил Декрет СНК от 21 октября 1919 г. "О борьбе со спекуляцией, хищениями в государственных складах, подлогами и другими злоупотреблениями по должности в хозяйственных и распределительных органах", действовавший до 1922 г. К мерам организационного характера следует отнести создание 20 декабря 1917 г., т.е. уже через полтора месяца после революции, Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (ВЧК) как организации по борьбе с контрреволюционной деятельностью. Для решения задач, намеченных решением Совнаркома от 20 декабря 1917 г., в структуре ВЧК вначале были созданы три отдела: информационный, организационный и по борьбе с контрреволюцией и саботажем, а затем решением коллегии ВЧК от 24 декабря 1917 г. еще и отделы по борьбе со спекуляцией и по борьбе с преступлениями "по должности". Основной функцией указанного подразделения определялась борьба со служебными преступлениями в государственном аппарате, злоупотреблениями, превышением власти, взяточничеством [1].

Однако многочисленные декреты советской власти не содержали специальных норм о преступлениях против собственности, давали общее направление в борьбе с имущественными преступлениями.

В большинстве случаев судебной практики дела по наиболее опасным имущественным преступлениям были отнесены к компетенции военных революционных трибуналов [9].

В первом Уголовном кодексе РСФСР от 1922 г. впервые в советском законодательстве были даны определения грабежей и разбоев. Под грабежом (ст. 182) понималось «открытое похищение чужого имущества в присутствии лица, обладающего, пользующегося или ведающего им, но без насилия над личностью или с насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего». Под разбоем (ст. 184) признавалось «открытое, с целью похищения имущества, нападение отдельного лица на кого-либо, соединенное с физическим или психическим насилием, грозящим смертью или увечьем».

Уголовный кодекс 1926 г. также воспроизвел данные понятия грабежа и разбоя. Однако новая редакция этого закона от 1929 г. заменила предыдущую трактовку разбоя на разбой (ст. 167), под которым понималось «открытое с целью завладения чужим имуществом нападение, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего». Из состава разбоя была исключена угроза как способ совершения преступного деяния. В результате этого были декриминализованы деяния, состоящие в нападении с целью завладения чужим имуществом, с применением психического насилия и угроз, что фактически, по мнению автора, ослабило меры борьбы с насильственно-корыстной преступностью.

Указ Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик от 4 июня 1947 г. "Об усилении охраны личной собственности граждан" уст-

ранил указанный недостаток. В новой редакции основной состав разбоя выражался в нападении с целью завладения чужим имуществом, соединенного с насилием или с угрозой применения насилия (ч. 1 ст. 167 УК РСФСР 1926 г.).

По мнению А.А. Крашенинникова, законодательное описание квалифицированного вида разбоя, соединенного с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой смертью или тяжким телесным повреждением (ч. 2 ст. 167 УК РСФСР 1926 г.), даже удачнее по сравнению с аналогичными составами простого разбоя в последующих Уголовных кодексах. Оно точнее отражает содержание угрозы в разбое [6].

Что касается наказания, то часть 1 ст. 165 (грабеж) предусматривала лишение свободы на срок до одного года за открытое похищение чужого имущества в присутствии лица, обладающего, пользующегося или ведающего этим имуществом, совершенное без насилия. Часть 2 ст. 165 предусматривала лишение свободы на срок до трех лет за те же действия, соединенные с насилием. Часть 3. ст. 165 предусматривала лишение свободы на срок до пяти лет за те же действия, но совершенные группой лиц или повторно. Статья 166 ужесточает наказание за грабеж, определяя тем самым наиболее охраняемые объекты. Часть 1 ст. 166 предусматривала лишение свободы до пяти лет за открытое похищение лошадей или другого крупного скота у трудового землевладельческого населения. Часть 2 ст. 166 предусматривала лишение свободы на срок до восьми лет за те же действия, совершенные повторно или по сговору с другими лицами. Таким образом, УК 1926 г. ввел квалифицированные виды грабежа – повторный грабеж, грабеж, совершенный группой лиц, грабеж особо охраняемого имущества.

Для обоих кодексов характерно отнесение грабежей и разбоев к главе «Имущественные преступления», отсутствие разграничения видов собственности, на которые посягал виновный.

В последующие десятилетия наказания за хищения, в том числе за грабеж, государственного имущества ужесточались. Примером могут служить Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР от 7 августа 1932 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июля 1947 г. Помимо лишения свободы на различные сроки данные нормативные акты предусматривали ссылку и расстрел, а также конфискацию имущества. Обращает на себя внимание, что законодательство рассматриваемого периода устанавливает ответственность и за недонесение о готовящемся хищении.

Принятый в 1932 г. Закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» объявил о приоритетности защиты социалистической (государственной, колхозной, кооперативной) собственности.

Учитывая сложную социально-экономическую обстановку в стране, данный закон можно назвать репрессивным, поскольку в нем предусматривались самые суровые меры наказания (в том числе и смертная казнь), применявшиеся к людям, совершившим хищения в силу тяжелейших жизненных обстоятельств и крайней нужды.

Установленные законом санкции были чрезмерно высокими и почти не оставляли возможности для дифференциации ответственности и индивидуализации наказания. Выражение «не ниже десяти лет» означало абсолютно определенную санкцию, поскольку согласно ст. 18 Основных начал 1924 г. и ст. 28 УК 1926 г. лишение свободы не могло назначаться на срок свыше десяти лет. Закон возродил ранее введенное ст. 180-а УК 1922 г. родовое понятие хищения, однако границы его представлялись в то время слишком размытыми. Специальными законодательными актами и директивными указаниями в 1933 – 1934 гг. применение Закона от 7 августа 1932 г. было распространено на такие действия, которые хищениями не являлись (саботаж сельскохозяйственных работ, преуменьшение норм высева, уничтожение лошадей, умышленная поломка тракторов и машин, незаконное расходование гарнцевого сбора и др.).

Поскольку ни одна статья Уголовного кодекса 1926 г. об имущественных преступлениях не была отменена и изменена, возникла проблема соотношения этих норм с нормами Закона от 7 августа 1932 г. Эта проблема была в 30-е годы решена

следующим образом: Закон от 7 августа стал применяться только к наиболее опасным видам хищения государственного, колхозного (кооперативного) или общественного имущества, независимо от способа совершения. Наиболее опасными признавались хищения, совершенные организованной группой, или в крупных размерах, или систематически. Менее опасные хищения социалистического имущества, как и преступления против личной собственности граждан, квалифицировались по соответствующим статьям Уголовного кодекса 1926 г.

Данный нормативный акт впервые ввел понятие «хищение», охватывающее все виды преступного завладения социалистическим имуществом. Однако в этом законе был минус. В нем не давалось определение понятия хищения, не указывались признаки, разграничивающие различные виды хищений.

Кризисная ситуация военного времени в период Великой Отечественной войны повлияла на законотворческую деятельность и правоприменительную практику в стране. Был издан ряд законодательных актов, предусматривающих усиление уголовной ответственности за хищение социалистической собственности [2].

Например, указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 июня 1942 г. «Об ответственности за хищения горючего в МТС и совхозах» было установлено наказание за это преступление в виде тюремного заключения на срок от трех до пяти лет. В некоторых случаях судебная практика шла по пути более широкого применения Закона от 7 августа 1932 г. по сравнению с довоенным временем, особенно когда это касалось хищения воинских грузов на транспорте (даже не в крупных размерах), тормозных ремней или щитов для снегозадержания. Одновременно происходило усиление ответственности за преступления против личной собственности. Однако это делалось не путем внесения изменений в Уголовный кодекс 1926 г., а расширительным толкованием некоторых квалифицирующих признаков имущественных преступлений применительно к условиям военного времени.

Так, Пленум Верховного Суда СССР 8 января 1942 г. дал указание судам все кражи, совершенные с использованием условий военного времени, квалифицировать как наиболее опасный вид кражи личной собственности по п. «г» ст. 162 УК 1926 г. Практика относила к ним кражи во время воздушных налетов или обворовывание квартир эвакуированных жителей. В особо опасных случаях (групповое хищение, неоднократность, рецидив) такие преступления квалифицировались по аналогии как бандитизм (ст. 16 и 593 УК).

Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 6 мая 1943 г. «О квалификации кражи личного имущества граждан, совершенной в местах общественного пользования» распространило действие п. «в» ст. 162 УК, где казуистично перечислялись некоторые места совершения краж («на вокзалах, пристанях, пароходах, в вагонах и гостиницах»), на все места общественного пользования. Практика относила к ним карманные кражи, совершенные в трамвае или в очереди за хлебом.

Отсутствие в советском уголовном законодательстве послевоенного периода единых норм, регулирующих ответственность за хищение социалистической и личной собственности, обусловило издание Указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Эти Указы дифференцировали ответственность за посяательства не только на социалистическую и личную собственность, но и, внутри первой, на государственную и общественную собственность [5, с. 43].

Особенностью Указа «Об усилении охраны личной собственности граждан» являлось отсутствие понятия грабежа: конкретные признаки данного деяния содержались в статьях о краже и разбое.

Разбой определялся в Указе как «нападение с целью завладения чужим имуществом, соединенное с насилием или угрозой применения насилия». При этом характер насилия не указывался. Оно могло быть и не опасным для жизни и здоровья, поскольку среди квалифицированных видов этого преступления предусматривался «разбой, соединенный с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или

с угрозой смертью или тяжким телесным повреждением». Таким образом, понятие грабежа вновь исчезло из закона.

Нормы Указов от 4 июля 1947 г. не были перенесены в текст Уголовного кодекса РСФСР. Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 22 августа 1947 г. был утвержден перечень статей Уголовного кодекса РСФСР, которые не подлежали применению. Хищение государственного или общественного имущества, совершенное в любой форме, квалифицировалось по Указу от 4 июля 1947 г. Что касается преступлений против личной собственности, то по Указу квалифицировались только кража и разбой, а в отношении остальных продолжал действовать Кодекс 1926 г. Это породило новую диспропорцию в санкциях. Так, если кража личного имущества могла повлечь наказание до 10 лет лишения свободы, а разбой – до 20 лет.

Суровость указов выражалась не только в огромных сроках лишения свободы (на фоне отмены смертной казни за хищение это не так поражало), но и в сокращении возможности для дифференциации ответственности и индивидуализации наказания. Хищения социалистического имущества наказывались независимо от их формы. Минимальные размеры санкций по обоим указам были завышены. Суды были вынуждены чаще прибегать к назначению ниже низшего предела санкции и к условному осуждению, а в последние годы существования указов такая практика стала преобладать. Не способствовало дифференциации ответственности и сокращение квалифицирующих признаков, а также изменение их содержания. К крупному размеру хищения была приравнена по наказуемости простая повторность. В то же время упоминавшийся в указах квалифицирующий признак совершения хищения организованной группой Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 28 мая 1954 г. истолковал расширительно как совершение преступления «по предварительному сговору организовавшейся для этой цели группой лиц». Попытки толкования этого признака на основе традиционного представления о шайке (организованной группе) были отвергнуты как «вредные и порочные».

Принятие в 1958 г. новых Основ уголовного законодательства и проявившаяся в этот период тенденция к укреплению принципа законности в борьбе с преступностью нашли отражение и в нормах Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. об ответственности за имущественные преступления. Но еще сохраняла силу одна из важнейших идеологических догм социализма – о преимущественной охране уголовным законом всего государственного и общественного и о второстепенном значении защиты личности и ее интересов. В силу этой концепции аналогичные преступления против социалистической и личной собственности были размещены в различных главах Уголовного кодекса. Глава вторая «Преступления против социалистической собственности» располагалась сразу же после главы «Государственные преступления», а глава о преступлениях против личной собственности граждан была отнесена на пятое место.

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. грабеж как самостоятельный состав преступления был восстановлен и определялся как открытое похищение личного имущества граждан (ст. 145). В эту же статью была включена норма об ответственности за грабеж, соединенный с насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего. Под разбоем понималось нападение с целью завладения личным имуществом граждан, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия (ст. 146). Данные составы преступлений отнесены к главе пятой «Преступления против личной собственности».

Приоритеты охраны социалистической собственности, содержащиеся в Законе «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 1932 г., были учтены и в Уголовном кодексе 1960 г. Так, в ст. 1 указывалось, что задачей УК РСФСР 1960 г. является охрана общественного строя СССР, его политической и экономической систем, социалистической собственности, личности, прав и свобод граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств.

Данные нормы были выделены в отдельную главу в системе Особенной части вслед за государственными преступлениями.

Такой порядок размещения глав и статей говорит о характерной для советского времени системе ценностей, придающей задаче охраны социалистической собственности приоритетное значение.

Обязательным условием удовлетворения потребностей советского человека считалась возможность роста и укрепления социалистической собственности., являющейся экономической основой советского строя. Все блага советского человека обеспечивались социалистической собственностью, поэтому на всех граждан СССР возлагалась обязанность беречь и укреплять социалистическую собственность. Это нашло свое отражение и в действовавшей на тот момент Конституции СССР (ст. 61): « долг гражданина СССР бороться с хищениями и расточительством государственно-го и общественного имущества».

Таким образом, ценность самой личности, ее прав и свобод, как объекта правовой охраны государства, явно недооценивалась. Это нашло отражение в законодательстве всего советского периода.

Последний советский Уголовный кодекс действовал более тридцати лет. Его нормы не могли охватить все многообразие и сложность происходивших в течение этого времени политических и экономических процессов.

Таким образом, Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. впервые в советском законодательстве содержал определения грабежей и разбоев.

Законодательный опыт приобщения насильственных форм грабежа к разбою существовал и в советский период уголовного законодательства советского периода (Указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан»). Открытое хищение чужого имущества было отнесено к статье о краже, а все грабежи, совершенные с насилием, не опасным для жизни или здоровья, – к разбою. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. реабилитировал грабеж как самостоятельный состав преступления. Теперь основанием разграничения насильственного грабежа и разбоя являлась степень насилия, что нашло отражение и в УК РФ 1996 г.

Список литературы

1. Бабурин Д. С. Материалы к истории ВЧК / Д. С. Бабурин. – Москва, 1947. – С. 16.
2. Ведомости Верховного суда СССР. – 1942. – № 22.
3. Гернет М. Н. Изучение преступности в СССР (исторический очерк); От То-маса Мора до УК; Преступность за границей и в СССР; Преступный мир Москвы; Преступность и самоубийства во время войны и после нее / М. Н. Гернет // Избранные произведения. – Москва, 1974.
4. Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность / А. И. Гуров. – Москва, 1990.
5. Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности / С. М. Кочои. – Москва : Юрист, 1998. – С. 8, 43.
6. Крашенинников А. А. Угроза в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Крашенинников. – Ульяновск, 2002. – С. 66–68.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Т. 35. – С. 156.
8. Органы внутренних дел России (1802–2002) : в 2 т. – Москва, 2002. – Т. 2. – С. 155.
9. СЗ СССР. – 1932. – № 62.

References

1. Baburin D. S. Materialy k istorii VChK. Moscow, 1947. P. 16.
2. Vedomosti Verhovnogo suda SSSR. 1942. № 22.
3. Gernet M. N. Izuchenie prestupnosti v SSSR (istoricheskij ocherk); Ot To-masa Mora do UK; Prestupnost' za granicej i v SSSR; Prestupnyj mir Moskvyy; Prestupnost' i samoubijstva vo vremja vojny i posle nee // Izbrannye proizvedeniya. Moscow, 1974.

4. Gurov A. I. Professional'naja prestupnost': proshloe i sovremennost'. Moscow, 1990.
5. Kochoi S. M. Otvetstvennost' za korystnyye prestuplenija protiv sobstvennosti. Moscow, Jurist, 1998. P. 8, 43.
6. Krashennnikov A. A. Ugroza v ugolovnom prave. Ul'janovsk, 2002. pp. 66–68.
7. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. Vol. 35. P. 156.
8. Organy vnutrennih del Rossii (1802–2002): in 2 vol. Moscow, 2002. Vol. 2. P. 155.
9. SZ SSSR. 1932. № 62.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЯ ПРОВОКАЦИИ

Черепанин Валерий Анатольевич, кандидат юридических наук, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: vcherepahin@yandex.ru.

По мнению автора, в действующее уголовное законодательство необходимо ввести норму, предусматривающую уголовную ответственность за провокацию преступления. Поскольку в настоящее время действует только одна норма, устанавливающая ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа.

Ключевые слова: провокация преступления, подстрекательство к преступлению, соучастие в преступление

SOME PROBLEMS OF THE CONCEPTION OF PROVOCATIONS

Cherepahin Valery A., Candidate of Legal Sciences, Astrakhan State University, 410056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishev st., e-mail: vcherepahin@yandex.ru.

The author believe that it is necessary to introduce a norm providing for a criminal responsibility for provocation of a crime into the current criminal legislation. At the moment there exists only one norm providing for a criminal responsibility for provocation of bribery or commercial bribery

Keywords: provocation of a crime, criminal solicitation, fellowship in crime

Понятие провокации преступления в досоветский период развития отечественного законодательства не было закреплено, однако в нормативных актах спецслужб данное понятие было отражено. Более того, хотя провокация и не только не одобрялась, но и запрещалась указанными нормативными актами, на практике она была распространена, особенно в борьбе с членами революционных обществ.

Однако, учитывая значительную общественную опасность провокации преступлений, ученые-юристы досоветского периода рассматривали ее как подстрекательство к совершению преступления.

И в теории уголовного права постсоветского периода также большинство ученых продолжали отождествлять провокацию преступления с подстрекательством к его совершению.

Мы также считаем, что провокация преступления и подстрекательство к преступлению – разные понятия, обладающие своими собственными признаками.

Данное определение, на наш взгляд, слишком широко охватывает характер провокационной деятельности, поскольку вовлечение в уголовное право определяется как действия, направленные на возбуждение желания участвовать в совершении преступления (одного или нескольких) или принуждение к совершению одного или нескольких преступлений. При этом типичными способами вовлечения являются обещания, обман, угрозы и иные способы.

Прежде всего, нам представляется, что указанные выше авторы не совсем точны, ибо в их высказываниях не усматривается различия в понятиях провокации и